

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УСТАНОВЛЕНИЕ ИРАКСКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ И ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО ОБЩИН ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.В. БАРАНОВА, А.В. САГИМБАЕВ

Брянский государственный университет
ул. Бежицкая, 14, 241036 Брянск, Россия

В статье анализируется процесс урегулирования территориальных проблем и пограничных споров между державами мандатариями и кемалистской Турцией, влияние этого процесса на международную ситуацию в регионе.

Распад Османской империи и установление системы мандатного управления европейских держав явились важнейшими для Ближнего Востока последствиями Первой мировой войны. Формирование территориальных контуров подмандатных владений, проходившее при решающем участии Великобритании и Франции, сформировало геополитическую картину ближневосточного региона в значительной степени сохранившуюся до настоящего времени. Разрешение территориальных и пограничных проблем, возникших в межвоенный период, происходило в различных юридических формах. Наиболее сложным оказался процесс урегулирования территориальных проблем и пограничных споров между державами – мандатариями и кемалистской Турцией. Возникший в первой половине 1920-х гг. конфликт вокруг территории бывшего османского вилайета Мосул грозил перерасти в англо - турецкое вооруженное противостояние и потребовал активного вмешательства в его разрешение Лиги Наций.

Спорная территория Мосульского вилайета располагалась в северной части Месопотамии. На севере и северо-востоке он был ограничен хребтами Загрос, которые отделяли его от вилайетов Диярбакыр и Ван, а также от персидской территории. Восточная и юго-восточная граница Мосульского вилайета также проходила через горные районы. Южными рубежами, отделявшими его от территории вилайета Багдад, являлась река Дияла, а также цепь холмов Джабель Хамрин. Западная и юго-западная административная граница вилайета Мосул проходила через степи и полупустыни Джазиры и представляла собой произвольно проложенную линию, проходившую через территории кочевий ряда арабских племенных объединений [1. С.472].

В соответствии с соглашением Сайкса - Пико, территория Мосульского вилайета входила в так называемую зону «А», которая в дальнейшем должна была стать частью арабского государства или конфедерации государств. Кроме того, она была включена в будущую сферу

влияния Франции. К моменту капитуляции Османской империи, однако военно-политическая роль Великобритании на Ближнем Востоке была столь велика, что британское руководство рассматривало заключенные ранее соглашения по разделу ближневосточных территорий как устаревшие и серьезно ущемляющие ее интересы в регионе. В ходе англо-французских переговоров на высшем уровне, прошедших в конце ноября - начале декабря 1918 г. в Лондоне, была достигнута устная договоренность глав правительств двух держав о серьезном пересмотре соглашения Сайкса-Пико, в том числе, в части, касающейся северной Месопотамии [2. С.55-56].

Заметное влияние на формирование позиции британского кабинета в отношении Мосульского вилайета оказывал А.Вильсон, возглавивший британскую оккупационную администрацию в Месопотамии с лета 1918 г. Он подверг критике все проекты, связанные с созданием на Ближнем Востоке унитарного или конфедеративного арабского государственного образования, полагая их несоответствующими географическим особенностям и историческим условиям развития региона. Исходя из собственного понимания смысла англо-французской декларации к населению ближневосточных территорий от 7 ноября 1918 г., А. Вильсон настаивал на полном исключении Северной Месопотамии из сферы будущих переговоров с Францией и Хусейном [3. С.276]. Аналогичного мнения придерживалось и англо-индийское правительство [3. С.292-293].

В силу данных факторов, уже к началу Парижской мирной конференции правительство Великобритании пришло к осознанию необходимости сохранения, в той или иной форме, собственного контроля над территорией бывшего османского вилайета Мосул [4. С.116-125]. 13 сентября 1919 г., в ходе переговоров между Д. Ллойд - Джорджем и Ж. Клемансо была достигнута принципиальная договоренность относительно включения Мосульского вилайета в состав британских подмандатных территорий [5. М.700]. В окончательном виде данный вопрос был решен на конференции Верховного Совета Антанты, прошедшей в конце апреля 1920 г. в Сан-Ремо [7. С.243-246].

Новая волна дискуссий по поводу статуса северной части Месопотамии, населенной преимущественно курдами, возникла в связи с реформой управления подмандатными территориями, проводившейся Восточным департаментом британского Министерства по делам колоний. В ходе имперской конференции в Каире, в марте 1921 г., был рассмотрен проект создания на территории бывшего Мосульского вилайета независимого курдского государства, связанного с Великобританией договорными обязательствами. Автор данной идеи Х. Янг предполагал, что независимый Курдистан станет своего рода «буфером», ограничивающим амбиции радикально настроенных кругов в Багдаде. Подобную позицию во многом разделял и Т.Э. Лоуренс. Министр по делам колоний У. Черчилль, заинтересованный прежде всего в сокращении финансовых затрат на управление подмандатными территориями, также был готов поддержать проект Х. Янга, так как согласно его подсчетам, сокращение британских

войск на севере Ирака позволило бы уменьшить бюджетные расходы Министерства по делам колоний в 1921-1922 финансовом году на 5,5 млн. ф. ст. Категорически против данной инициативы выступил верховный комиссар Великобритании в Ираке П. Кокс. Он однозначно высказался за сохранение единого иракского государства с предоставлением курдским районам широкой автономии. Данную точку зрения поддержала и Г.Белл. В результате, в ходе конференции какого-либо окончательного решения по проблеме северного Ирака принято не было [8. С.178-179].

В то же время, в связи с отсутствием общепризнанного мирного договора с Турцией, территория Мосульского вилайета продолжала де-юре оставаться под суверенитетом турецкого правительства. Свое теоретическое обоснование политика нового руководства Турции в отношении Мосульского вилайета, как и других районов, населенных преимущественно курдами, нашла в так называемом «Национальном обете», ставшем программным документом кемалистов. В его первой статье содержался отказ от каких-либо претензий в отношении бывших османских провинций с преобладающим арабским населением. С другой стороны, во второй статье данного документа провозглашался суверенитет Анкары в отношении бывших османских территорий, населенных не только турками, но и другими неарабскими этническими группами, к числу которых были отнесены, в первую очередь, курды.

К 1923 г. районы, населенные курдами, занимали от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всей территории, контролируемой исламистами, а сами они составляли от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ общей численности населения нового турецкого государства. Примитивность социальной организации курдского этноса предоставляла возможность Анкаре проводить политику постепенной ассимиляции курдов. Осознавая в полной мере всю значимость курдского фактора для последующего развития турецкого государства, кемалистское руководство понимало, что в полной мере эффективной его политика в отношении курдов будет лишь в том случае, если под суверенитетом Турции окажется как можно большая территория с курдским населением. Существование вне турецких границ многочисленной общины курдов, пользовавшихся широкой культурной автономией³, с возможной в дальнейшем перспективой создания независимого государства, представляло для кемалистского руководства серьезную опасность.

В ноябре 1922 г. в Лондоне открылась конференция по подготовке нового проекта мирного договора с Турцией. В рамках данного международного форума 26 ноября начались англо-турецкие переговоры относительно установления официальной границы между Турцией и Ираком.

³ Наиболее широкие автономные права были предоставлены в начале 1920-х гг. населению санджака Сулеймания. Курды получили широкий доступ к работе в органах местной власти, службе во вспомогательных частях иракской армии, им были предоставлены значительные налоговые льготы. Курдский язык получил официальный статус в делопроизводстве

Великобритания нуждалась в скорейшем урегулировании данной проблемы ввиду нестабильности ситуации в северном Ираке, обусловленной продолжавшимся мятежом курдских кланов в северо-восточной горной части Мосульского вилайета, активно поощрявшегося кемалистами. Однако уже на начальной стадии дискуссий выяснилось, что стороны по-разному понимали сам предмет переговоров. Британская делегация, настаивавшая на признании в качестве пограничной линии между Турцией и Ираком северной административной границы Мосульского вилайета, предлагала ограничиться фактически лишь обсуждением технических аспектов ее демаркации. Турецкие представители, со своей стороны, с самого начала заявили, что намерены обсуждать территориальную принадлежность всего вилайета [9. С.71].

Глава турецкой делегации Исмет Паша в качестве одного из основных аргументов выдвинул тезис о незаконности британской оккупации Мосула, произошедшей уже после заключения перемирия, юридически означавшего выход Османской империи из состояния войны с державами Антанты. В качестве механизма разрешения проблемы им было предложено, исходя из статьи 22-й Конвенции Лиги Наций, проведение плебисцита с целью выяснения позиции населения спорной территории. Возглавлявший британскую делегацию лорд Керзон отверг выдвинутые Исметом Пашой обвинения, назвав действия британских войск на территории Мосульского вилайета полностью соответствующими положениям мудросского перемирия⁴. Он выступил также категорически против проведения плебисцита, полагая, что политическое самосознание основной части населения оспариваемой территории и, прежде всего, курдов, не соответствует уровню, необходимому для адекватного демократического волеизъявления. В обоснование юридической правоты своей позиции лорд Керзон сослался на решение Совета Лиги Наций, утвердившего право Великобритании на мандатное управление Ираком в существующих де-факто границах, а также на наличие англо - иракского договора, предусматривавшего обязанность британской стороны сохранять территориальную целостность иракского государства.

Глава турецкой делегации, выражая официальное мнение своего правительства, заявил о том, что юридический статус спорных территорий может быть окончательно определен лишь с участием Турции [10. С.143].

В обоснование своих позиций Великобритания и Турция представили в декабре 1922г. на рассмотрение комиссии по территориальным проблемам, участвовавшей в подготовке проекта мирного договора, специальные

⁴ В историографии отсутствует определенная оценка юридической обоснованности действий британских войск в Северной Месопотамии, в ноябре 1918 г.: Wilson A. Mesopotamia. 1914-1920: A Clash of Loyalties. L., Humphrey Milford, 1930-1931. - P.17-22; Zeine Zeine, Op. cit. - P. 60; Howard H. N. The Partition of Turkey. A Diplomatic History, 1913-1923. Oklahoma University Press, 1931. - P. 210-212; Edmonds C. J. Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq. 1919-1925. L., 1957. - P.19-25.

меморандумы, содержащие обширную аргументацию экономического, географического и этнолингвистического характера. Турецкая сторона настаивала на существовании тесных торговых связей между Мосульским вилайетом и соседними анатолийскими провинциями. Британская делегация подчеркивала гораздо более значительную роль Халеба и Багдада для экономического развития Мосула. Столь же диаметрально противоположными были и представленные обеими сторонами статистические сведения об этноконфессиональном составе населения спорной территории [11. С. 156].

Исходя из принятой кемалистами концепции отождествления курдского и турецкого этносов, и приведенной статистики, И. Паша сделал вывод о том, что тюркоязычная группа составляет $\frac{4}{5}$ населения оспариваемой Анкарой территории. Лорд Керзон отказался верить в обоснованность данного тезиса, заявив, что в соответствии со сведениями, собранными британской оккупационной администрацией, турки составляли лишь $\frac{1}{12}$ от общей численности населения Мосульского вилайета. Кроме того, он категорически отверг принадлежность курдов к тюркоязычной этнической общности [10. С.146].

Ввиду отсутствия видимых точек соприкосновения в позициях сторон лорд Керзон сделал 31 января 1923 г. официальное заявление о намерении британского правительства, в случае невозможности достичь двустороннего соглашения относительно иракско-турецкой границы, воспользоваться положениями 11-й статьи Конвенции Лиги Наций и прибегнуть к международному арбитражу.

В ответ на данный демарш, 4 февраля Исмет Паша обратился в специальном меморандуме к главам делегаций Великобритании, Франции и Италии с предложением исключить мосульскую проблему из программы конференции с тем, чтобы она могла быть разрешена в течение года, путем двустороннего англо-турецкого соглашения [1. С. 495]. Лорд Керзон согласился с данной инициативой.

В результате, в параграфе 2-м статьи 3-й Лозаннского мирного договора, подписанного 24 июля 1923 г., было сформулировано следующее компромиссное положение относительно мосульской проблемы: «Турецкое и Британское правительства дают обоюдное обязательство, в случае невозможности достичь двустороннего соглашения в течение девятимесячного периода, передать окончательное решение проблемы Совету Лиги Наций. Вплоть до вынесения окончательного вердикта, стороны обязуются не предпринимать никаких действий, могущих каким-либо образом нарушить существующее де-факто территориальное размежевание» [12. С.120]. Подобные гарантии были зафиксированы и в прилагавшемся к тексту мирного договора специальном протоколе о выводе британских, французских и итальянских войск с оккупированных турецких территорий.

Следующая попытка достичь соглашения по проблеме иракско-турецкой границы была предпринята в ходе Константинопольской конференции, проходившей с 19 мая по 9 июня 1924 г. Британская позиция к

этому времени претерпела серьезные изменения. П. Кокс, представлявший Великобританию на данном этапе переговоров, выдвинул новый проект, согласно которому в состав Ирака должна была быть включена значительная часть санджака Хакьяри, который до начала Первой Мировой войны был основным районом расселения общины христиан-ассирийцев. После того, как представитель Турции Фети Бей отверг предложения П. Кокса и подтвердил претензии турецкого правительства на весь Мосульский вилайет, переговоры фактически зашли в тупик [10. С.153].

Шестого августа 1924 г., спустя месяц после обусловленного положениями Лозаннского мирного договора девятимесячного срока достижения взаимной договоренности, британское правительство обратилось в одностороннем порядке к Лиге Наций с просьбой об арбитраже в решении проблемы установления иракско-турецкой границы.

Апелляция Великобритании была рассмотрена в ходе 13-й сессии Совета Лиги Наций, начавшей свою работу 20 сентября 1924 г. К этому времени обе стороны представили на рассмотрение международной организации обстоятельные доклады, содержащие практически ту же аргументацию, к которой они прибегали в ходе конференций в Лозанне и Константинополе. Турции, не являвшейся на тот момент членом Лиги Наций, было позволено участвовать при обсуждении Советом проблем, непосредственно касавшихся ее интересов. Представлявший турецкое правительство Фети Бей выступил с предложением немедленной организации, под патронажем Лиги Наций, плебисцита призванного определить позицию населения Мосульского вилайета по поводу будущего статуса данной провинции. Представитель Великобритании лорд Палмор категорически отверг данную инициативу и высказался за создание специальной комиссии, в задачу которой вменялось бы всестороннее изучение ситуации в зоне иракско-турецкого размежевания, проведение глубокого научного исследования проблемы и консультации со всеми заинтересованными сторонами. Предложение британской стороны было в итоге принято Советом Лиги Наций. В резолюции от 30 сентября было зафиксировано положение об обязательстве обеих сторон безоговорочно принять любое решение международного арбитража.

Состав специальной комиссии Совета Лиги Наций был официально объявлен 31 октября. Ее председателем стал бывший посол Швеции в Бухаресте М. де Вирсен. Членами комиссии были назначены также известный географ и бывший премьер-министр Венгрии граф П. Телеки и полковник бельгийской армии в отставке П. Паулис.

В то же время, ситуация в зоне иракско-турецкого размежевания продолжала оставаться крайне нестабильной. Не прекращались взаимные обвинения сторон в нарушении «статус-кво», предусмотренного положениями мирного договора и резолюцией Совета Лиги Наций. Из Анкары следовали многочисленные протесты в связи с действиями иракских войск и британских ВВС против мятежных курдских кланов на территории санджака Сулеймания. Британское правительство, со своей стороны,

выражало недовольство по поводу военных акций Турции против ассирийцев на территории санджака Хаккяри, находившегося, по мнению Лондона, вне сферы компетенции турецкого правительства.

Ситуация, грозившая перерасти в вооруженный конфликт, побудила турецкое руководство обратиться к Лиге Наций с просьбой дать собственное толкование понятия «статус-кво», то есть, фактически вынести предварительный вердикт относительно определения границы между Ираком и Турцией [13. С.17]. В связи с обращением Анкары была созвана внеочередная сессия Совета, которая, рассмотрев предложения сторон, приняла, на ее взгляд, компромиссное решение, одобренное в целом представителями Великобритании и Турции.

Установленная 29 октября 1924 г. временная демаркационная линия, получившая в связи с местом проведения внеочередной сессии Совета Лиги Наций название «брюссельской», за незначительными исключениями совпадала с британским вариантом. Она включала в состав Ирака всю территорию санджака Сулеймания, а также часть санджака Хаккяри, рассматривавшегося Великобританией как «ничейная земля» и находившейся к северу от прежней административной границы Мосульского вилайета. Основная часть санджака Хаккяри осталась, тем не менее, под турецким контролем. Кроме того, Турция получила небольшой участок территории на северо-западе вилайета Мосул, в районе города Джизре, где проходили важные железнодорожные коммуникации. Несмотря на то, что данное решение формально «не касалось ни урегулирования проблемы окончательного разграничения территории Турции и Ирака, ни механизма его достижения», именно «брюссельская линия» с незначительными модификациями получила позже статус официальной иракско-турецкой границы [1. С.505].

Утверждение международной организацией демаркационной линии несколько стабилизировало обстановку в полосе иракско-турецкого размежевания и позволило приступить к работе специальной комиссии Совета Лиги Наций, которая побывав в Лондоне, Анкаре и Багдаде, 27 января 1925 г. прибыла на территорию Мосульского вилайета. В течение двух месяцев члены комиссии посещали крупные населенные пункты, расположенные на территории спорной провинции, изучая мнение представителей местной племенной и общинной знати. Несмотря на то, что на объективность полученных комиссией сведений серьезное влияние оказали местные клановые противоречия и опасения возможных репрессий со стороны иракского или турецкого правительств, ею был собран обширный материал самого разностороннего характера. Полученные в результате данные были обобщены при помощи ряда видных европейских и американских ученых. Полный отчет о деятельности комиссии был направлен в Совет Лиги Наций 16 июля 1925 г. [15. С.7].

Согласно представленному документу, площадь оспариваемого Турцией Мосульского вилайета составляла 34000 миль² (87890 км²). На его территории проживало около 800 тыс. чел. Население распределялось по

своему этноконфессиональному составу на следующие группы: курды (494007 чел.), арабы (166941 чел.), христиане (61336 чел.), турки (38652 чел.), езиды (26257 чел.), евреи (11897 чел.) [15. С.38]⁵.

В соответствии со сведениями, полученными комиссией, курды были преобладающим этническим элементом на всей территории Мосульского вилайета, за исключением юго-западных пустынных районов. В то же время, основную часть жителей городских центров нередко составляли представители других этносов. Так, в самом Мосуле «несомненно, преобладающим элементом» населения являлись арабы, в Эрбиле и Киркуке – турки [16. С.137].

Особое место в отчете специальной комиссии отводилось анализу настроений местного населения. Наиболее важной их составляющей было практическое отсутствие каких-либо симпатий и чувства принадлежности к иракскому государству. Исключение в данном плане составляла лишь ориентация небольшой группы образованных и националистически настроенных представителей арабской общины. При этом даже в их среде превалировал национализм скорее пан-арабского, чем партикулярного толка. В подтверждение данного тезиса, приводились высказывания ряда участвовавших в опросе арабов, заявлявших о своем предпочтении видеть Мосульский вилайет в составе Турции, его вхождению в состав иракского государства, находящегося, фактически, под управлением Великобритании.

Представители ассирийцев, напротив, возлагали особые надежды на максимально длительное продолжение действия британского мандата. Опасения по поводу возможных репрессий со стороны бесконтрольного иракского правительства побуждали их, в отдельных случаях, выступать даже в поддержку Турции [15. С.39].

Среди курдов членам комиссии не удалось выявить единого мнения относительно будущего статуса провинции. Курдское население санджака Сулеймания было настроено в пользу Турции. В то же время курды, населявшие южную часть спорной территории, отдавали предпочтение Ираку.

Отметив недостатки в представленных сторонами статистических сводках, авторы отчета особо подчеркнули, что курдская община «не только составляет наиболее крупную этническую группу в провинции, но и четко отличается, в языковом плане, от турецкого и арабского этносов». Исходя из анализа этноконфессионального состава населения Мосульского вилайета, в отчете делался вывод о том, что наиболее естественным решением проблемы было бы создание на его территории независимого курдского государства, ввиду того, что курды составляли 5/8, а с учетом езидов – 7/10 от общей численности жителей провинции. Дополнительным аргументом в пользу данного шага был тот факт, что из всех этноконфессиональных групп именно

⁵ При составлении данной статистической сводки комиссия Лиги Наций опиралась, в основном, на сведения, полученные в ходе переписи населения, проведенной в Ираке в 1922-1924 гг.

курды в течение столетий наиболее мирно сосуществовали с общинами христиан-ассирийцев. В то же время был отмечен ряд факторов, которые могли бы значительно осложнить существование будущего независимого Курдистана. Наиболее серьезным из них была крайняя политическая незрелость и архаичность социальной организации курдского этноса. Полностью отсутствовало взаимопонимание между кочевыми и оседлыми курдами. Основной ячейкой курдского общества оставался родовой клан во главе с наследственным вождем. Межклановые и внутриклановые противоречия делали практически невозможным создание эффективной политической системы будущего государства. Национальное самосознание курдов было ограничено лишь общей негативной установкой в отношении любых «чужаков», пытающихся, в какой-либо форме, установить контроль над территорией их проживания, будь то турки, англичане или арабы. В то же время, как подчеркивалось в отчете, «за исключением нескольких человек с курдскими корнями, проживавших на Западе или в Константинополе и, фактически, потерявших связь с родиной, среди курдов отсутствовало осознание национальной идентичности..., и практически не было какого-либо желания развивать ее в политической форме».

Исходя из приведенных выше сведений, авторы отчета пришли к выводу о том, что при окончательном решении вопроса о турецко-иракской границе приоритет должен быть отдан соображениям стратегического и экономического, а не этнолингвистического характера.

Относительно внешнеэкономических связей Мосульского вилайета, авторы отчета подчеркивали их большую ориентацию на Багдад и Сирию. Объем товарооборота Мосула, Киркука и Сулеймании с соседними турецкими вилайетами Мордин, Диярбакыр и Хаккяри оценивался ими как незначительный [1. С.473].

Основываясь на анализе перспектив развития экономики Мосульского вилайета, авторы отчета высказались против любых проектов его раздела, а также подчеркнули особую роль Мосула как центра экономических связей провинции⁶. Кроме того, комиссия пришла к заключению о необходимости сохранения в составе иракского государства бассейна реки Дияла, игравшей чрезвычайно важную роль в функционировании ирригационной системы центрального Ирака [15. С.77]⁷.

В отчете отмечался существенный прогресс в достижении социальной стабильности, развитии систем образования и здравоохранения, произошедший на территории Мосульского вилайета за годы деятельности британской оккупационной администрации. Так, в Мосуле, с 1918 по 1925 гг. число начальных школ удвоилось, а численность посещавших их учащихся выросла в четыре раза. В то же время политическая ситуация продолжала

⁶ Роль Мосула в экономической жизни вилайета сравнивалась в отчете с аналогичной ролью административного центра Северо-Западной провинции Британской Индии Пешавара

⁷ По данным комиссии, около 2 млн. акров сельскохозяйственных земель между Джабель Хамрином и городом Эль-Кут орошались водой из бассейна реки Дияла

оставаться весьма нестабильной, сохранялось напряжение во взаимоотношениях между различными этноконфессиональными общинами. Исходя из этого, авторы отчета отмечали крайнюю необходимость сохранения, в течение длительного периода, британского мандатного управления иракскими территориями. В условиях незрелости государственных структур Ирака более целесообразной была бы передача Мосульского вилайета под суверенитет Турции, чье внутривиллаитическое положение отличалось гораздо большей стабильностью. «Очевидно, - отмечалось в отчете, - что на территории всего вилайета общественное мнение склоняется больше в пользу поддержки Ирака, чем Турции. Стоит, однако, осознавать, что мнение многих опрошенных представителей населения оспариваемой территории обусловлено не столько симпатиями к арабскому королевству, сколько соображениями экономического характера, и, прежде всего, желанием воспользоваться помощью Великобритании. В отсутствие данного фактора, несомненно, большая часть жителей Мосульского вилайета высказалась бы за возвращение в состав Турции» [23. С.296].

Обобщив все полученные сведения, географического, этнолингвистического и юридического характера, комиссия представила Совету Лиги Наций следующее заключение: «Рассмотрев вопрос в целом, с учетом, прежде всего, интересов местного населения, комиссия пришла к заключению, что Мосульский вилайет не должен подвергаться территориальному разделу. Исходя из данного соображения, комиссия ... высказывается в пользу присоединения всей территории к югу от «брюссельской линии» к Ираку, оговаривая при этом следующие условия:

1. Сохранение режима мандатного управления в Ираке на период до 25 лет;
2. Всестороннее развитие элементов самоуправления в районах проживания курдского населения, активное привлечение курдов к деятельности сфер образования и судопроизводства, придание курдскому языку равного с английским и арабским статуса для использования в делопроизводстве» [15. С.87-88].

Отчет специальной комиссии был вынесен на рассмотрение 34-ой сессии Совета Лиги Наций в сентябре 1925 г. Перед началом обсуждения представитель Великобритании, министр по делам колоний М. Амери, подтвердил готовность своего правительства безоговорочно принять любой исход международного арбитража. Рушту Бей, представлявший, на тот момент, интересы Турции в Совете Лиги Наций, подверг резкой критике деятельность комиссии и содержание представленного ею отчета. Кроме того, он отказался подтвердить готовность турецкого правительства признать дальнейшие решения Совета. В ходе одного из заседаний Рушту Бей сделал заявление о том, что Лига Наций некомпетентна устанавливать срок действия иракского мандата, а также выносить вердикт относительно судьбы Мосульского вилайета. «Единственный способ решения проблемы, - подчеркнул он, - это достижение согласия обеих сторон посредством компетентных рекомендаций Совета Лиги Наций...» [15. С.89].

В то же время, Рушту Бей обратился от имени турецкого руководства к Великобритании с предложением возобновить прямые переговоры. В представленном им проекте урегулирования турецкое правительство снимало претензии относительно бассейна реки Дияла. Кроме того, в нем содержалась инициатива о заключении, в случае передачи Мосульского вилайета под турецкий суверенитет, четырехстороннего мирного пакта, содержащего взаимные гарантии безопасности для Великобритании, Ирака, Ирана и Турции [1. С.507]. Британская сторона оставила данные предложения Анкары без какого-либо внимания.

Ввиду постоянных демаршей турецкого правительства, оспаривавшего юридическую правомочность будущего решения, Совет Лиги Наций 19 сентября 1925 г. обратился в Постоянный международный суд в Гааге с запросом по следующим пунктам:

«1. Какой правовой характер должно иметь решение Совета в соответствии с § 2 статьи 3 Лозаннского мирного договора?

2. Должно ли оно приниматься единогласно или простым большинством голосов и необходим ли при этом учет мнений заинтересованных сторон?» [1. С.513-514].

М. Амери выразил полное согласие с основными выводами комиссии и готовность британского правительства выполнить поставленные ею условия. Он заявил о том, что «Великобритания не намерена никоим образом изменить декларированному ранее намерению добиваться скорейшего принятия Ирака в члены Лиги Наций. Она готова, до истечения срока существующего и одобренного Советом договора в 1928 г., заменить его другим договором с большим сроком действия» [6. С.771]. М. Амери заверил, что данная позиция полностью разделяется иракским правительством. В отношении второго условия, выдвинутого комиссией, им были даны гарантии в том, что Великобритания будет содействовать всестороннему прогрессу в становлении элементов политической культуры и самоуправления курдской общины, проживающей на севере Ирака.

В ходе данной сессии Совету Лиги Наций пришлось вновь рассматривать целый ряд жалоб и взаимных обвинений сторон относительно нарушения «статус-кво» в установленной зоне размежевания. 21 сентября М. Амери обратился к Совету с официальной просьбой об отправке в район «брюссельской линии», специальной миссии с целью изучения обоснованности выдвигаемых сторонами взаимных претензий и информирования о возможном повторении инцидентов в дальнейшем. Состав миссии был назван 24 сентября. Ее главой был назначен эстонский генерал Ф. Лэйдонер. Миссия прибыла на территорию Мосульского вилайета 30 октября и, проведя осмотр приграничной полосы с иракской стороны⁸, составила рапорт, направленный в Совет Лиги Наций. Согласно основному выводу, зафиксированному в данном документе, все инциденты в зоне иракско-турецкого размежевания связаны, прежде всего, с отсутствием у

⁸ Турецкое правительство отказалось сотрудничать с миссией Ф. Лэйданера

«брюссельской линии» статуса официально признанной заинтересованными сторонами границы [6. С.773].

21 ноября Совет Лиги Наций получил заключение постоянного международного суда относительно направленного ему запроса. Оно сводилось к следующему:

«1. Решение, которое предстоит принять Совету на основании §2 статьи 3 Лозаннского мирного договора, будет обязательным для всех заинтересованных сторон и явится окончательным вердиктом относительно установления иракско-турецкой границы.

2. Данное решение должно приниматься единогласно, представители государств, вовлеченных в конфликт, могут участвовать в голосовании, однако в случае, если все члены Совета выскажутся по рассматриваемой проблеме единодушно, их голоса могут не приниматься в расчет» [10. С.168]. Таким образом, претензии турецкого руководства, настаивавшего на том, что резолюция Совета Лиги Наций относительно проблемы установления иракско-турецкой границы должна носить лишь рекомендательный характер, остались без удовлетворения.

Вердикт постоянного международного суда, а также рапорт миссии Ф. Лэйданера, были рассмотрены Советом Лиги Наций 8 декабря 1925 г. В ходе заседания представитель Турции Мунир Бей подтвердил несогласие своего правительства с трактовкой юридического характера будущего решения международного арбитража. Тем не менее, члены Совета единодушно одобрили вынесенное постоянным международным судом заключение. Вслед за этим Мунир Бей в знак протеста покинул заседание. В письме, направленном вскоре в Совет Лиги Наций, турецкое правительство подтвердило неизменность своей позиции, отметив, в частности, что «суверенные права государства на принадлежащие ему территории могут прекратить свое действие лишь с согласия этого государства и, следовательно, наш суверенитет в отношении Мосульского вилайета остается в силе» [17. С.218].

16 декабря 1925 г. на заседании Совета Лиги Наций был заслушан доклад М. Ундена, возглавлявшего специальный комитет, занимавшийся изучением мосульской проблемы и подготовкой проекта резолюции по данному вопросу. В своих выводах он основывался на анализе отчетов специальной комиссии, миссии Ф. Лэйданера, а также заключениях постоянного международного суда.

В соответствии с проектом, предложенным комитетом М. Ундена, официальная граница между Ираком и Турцией практически совпадала с уже существовавшей временной демаркационной линией. Подготовленный проект резолюции содержал, кроме того, два существенных условия, которые необходимо было выполнить правительству Великобритании. Оно должно было подготовить и вынести на рассмотрение Совета Лиги Наций в течение полугода текст нового договора с Ираком, содержащий положения о

продлении до 25 лет срока действия британского мандата⁹. В случае выполнения данного условия Совет обязался официально обнародовать свое решение и немедленно приступить к его практической реализации. Наряду с этим, Великобритании, как державе-мандатарю, предлагалось подготовить план административных мероприятий, призванных обеспечить осуществление прав курдского населения Мосульского вилайета на культурную автономию [18. С.100].

Предложенный проект резолюции бы единодушно одобрен всеми членами Совета Лиги Наций. В опубликованном по итогам заседания коммюнике отмечалось, что данное решение «было принято в соответствии с положениями Лозаннского мирного договора». Великобритания и Турция призывались к поиску «дружественного соглашения, которое положит конец существующему между ними напряженному состоянию» [19. С.142].

В развитие решений, принятых Советом Лиги Наций, 13 января 1926 г. в Багдаде был подписан новый текст англо-иракского договора. В первой статье документа содержалось положение о том, что максимальный срок действия договора 1922 г., протокола от 30 апреля 1923 г. и других дополнительных соглашений должен составлять 25 лет с момента вынесения соответствующего решения Советом Лиги Наций (то есть с 16 декабря 1925 г.)¹⁰. При этом оговаривалась возможность их пересмотра, в случае, если Ирак будет принят в члены Лиги Наций до истечения 25-летнего периода [6. С.862]. 11 марта Совет Лиги Наций утвердил представленный британским правительством текст нового договора с Ираком. С этого момента решение международного арбитража относительно иракско-турецкой границы считалось официально вступившим в силу.

Несмотря на вынесенный Советом Лиги Наций вердикт, окончательное урегулирование проблемы иракско-турецкой границы продолжало зависеть от достижения соглашения между самими сторонами конфликта. Глава Форин Офиса О. Чемберлен и министр по делам колоний М. Амери немедленно заявили о готовности британского и иракского правительств следовать положениям принятой резолюции. Турецкое руководство, оставив вердикт Совета Лиги Наций без официальных комментариев, своим поведением продемонстрировало полное неприятие данного решения. Волна антибританских настроений, нагнетавшаяся в турецкой прессе в течение всего периода рассмотрения в Совете Лиги Наций мосульской проблемы, достигла в декабре 1925 г. своего пика. В Турции был объявлен призыв резервистов, усилена группировка войск на границе с Ираком, проводилось минирование подходов к крупнейшим портам страны. Тем не менее, несмотря на демонстрацию военных приготовлений, турецкое руководство предпочло воздержаться от дальнейшей эскалации конфликта.

⁹ Согласно пояснению к данному пункту резолюции, срок действия режима мандатного управления Ираком мог быть сокращен в случае соответствующей договоренности сторон

¹⁰ Минимальный срок действия британского мандата, в соответствии с договором 1926 г., должен был составлять 4 года

Собравшийся немедленно после известия о решении Совета Лиги Наций в Анкаре Высший военный совет Турецкой республики высказался против силового варианта решения мосульской проблемы [20. С.54-55].

О том, какую трансформацию претерпел в течение 1926г. курс правительства Турции в отношении мосульской проблемы и принятых в этой связи официальных решений Лиги Наций свидетельствует постоянно изменявшийся тон комментариев турецкой прессы. В одной из публикаций газеты «Иени Сесс», вышедшей в свет в феврале, Лига Наций, характеризовалась как «английское учреждение» и подчеркивалась абсолютное единство турецкого общества в плане неприятия и непризнания принятых ею резолюций по Мосулу, представлявших для Турции «ужасающую несправедливость» [21. Л. 253]. В статье, опубликованной в газете «Икдам» 8 марта 1926г., решения, принятые в Женеве по мосульскому вопросу, назывались «издевательством над правом и справедливостью». «Комедия, разыгрываемая в Женеве, - отмечалось в публикации, - представляет собой жуткое и трагическое зрелище, если вспомнить, что участвуют в ней государственные люди, которые держат в своих руках судьбы Европы»[21.Л. 260].

В конце марта – начале апреля, в связи с начавшимися в Анкаре англо – турецкими переговорами, тональность комментариев турецкой периодической печати в адрес Великобритании и Лиги Наций претерпела определенные изменения. В ряде публикаций выражалась надежда на благоприятный исход переговоров о Мосуле. Так, в одной из статей, опубликованных в этот период в газете «Миллет», отмечалось, что мосульский вопрос является «в сущности, единственным спорным вопросом англо – турецких отношений». Лига Наций, в этой связи, трактовалась, как «институт..., необходимый для сохранения мира»[21. Л.265]. Газета «Вақыт» в апреле 1926г. констатировала, что переговоры по Мосулу приближаются к благоприятному разрешению, которое «удовлетворит обе стороны». «Можно предполагать, - отмечалось в одной из ее публикаций, - что мосульский вопрос зашел в последнюю стадию своего разрешения, которое удовлетворит обе стороны»[21, л.268]. Подобная смена настроений была напрямую обусловлена стремлением Анкары решить мосульскую проблему исключительно дипломатическими средствами.

Несмотря на резкий тон официальных заявлений, и Великобритания, и Турция стремились к поиску возможности для мирного разрешения конфликтной ситуации. Британский премьер-министр С. Болдуин, выступая 21 декабря 1925г. в Палате общин, сообщил о конфиденциальных контактах с турецким руководством, осуществлявшихся послом Великобритании в Константинополе Р. Линдсеем [14. С.19]. В интервью одной из наиболее влиятельных турецких газет «Джумэгуриет». Р. Линдсей подчеркнул, что правительство Великобритании не намерено использовать благоприятное для себя решение международного арбитража с целью использования территории Мосульского вилайета «в качестве базы для последующих действий против Турции»[22]. Итогом продолжавшихся в течение нескольких месяцев

неофициальных переговоров стало подписание в Анкаре 5 июня 1926 г. трехстороннего англо-турецко-иракского договора, явившегося сюрпризом даже для некоторых представителей британского руководства.

В соответствии с текстом документа «брюссельская линия», с незначительными изменениями¹¹, признавалась в качестве «окончательно признанной официальной границы» между Ираком и Турцией. В статье 5-й договора содержалось обязательство подписавших его государств не предпринимать в дальнейшем попыток насильственного изменения установленной границы. Целый ряд статей был посвящен налаживанию взаимной кооперации в решении пограничных проблем. Предполагалось, в частности, создание 75-километровой зоны по обе стороны границы, в пределах которой предусматривались совместные действия сторон по пресечению набегов и подавлению мятежей не подчинявшихся центральным правительствам кочевых племен. Для координации этой деятельности создавалась Постоянная пограничная комиссия из представителей заинтересованных сторон, которая должна была собираться для решения возникших проблем не реже одного раза в полгода. В статье 14-й содержалось обещание Ирака отчислять в течение 25-летнего периода правительству Турции 10 % от суммы доходов Турецкой Нефтяной Компании, а также других частных и государственных предприятий, осуществлявших нефтедобычу на территории Мосульского вилайета. Кроме того, в соответствии со статьей 16-й текста договора, иракская сторона обязалась предоставить амнистию всем сторонникам кемалистов из числа турецкого и курдского населения Мосульского вилайета [15].

Подписание трехстороннего договора стало последним этапом в длительном процессе установления иракско-турецкой границы. Официально утвержденная Лигой Наций и признанная заинтересованными сторонами пограничная линия сохранилась практически в неизменном виде до настоящего момента. Первоначально рассматривавшаяся британской дипломатией задача технического согласования уже существующей де-факто границы благодаря жесткой позиции кемалистского руководства Турции превратилась в серьезную территориальную проблему, потребовавшую вмешательства в качестве арбитра Совета Лиги Наций. Идя на серьезную конфронтацию с Великобританией в вопросе о дальнейшее судьбе Мосульского вилайета, турецкая сторона руководствовалась, в первую очередь, политическими мотивами, стремясь сосредоточить под своим контролем основные территории проживания курдского этноса. Британское правительство, проводившее с начал 1920-х гг. политику, направленную на сокращение военного и административного присутствия на Ближнем Востоке, было, в то же время, связано обязательствами перед Лигой Наций и Национальной Ассамблеей Ирака добиваться сохранения территориальной целостности иракского государства. Немаловажным мотивом было также

¹¹ Так, Турции был передан участок дороги между турецкими селами Аламун и Ашута, который находился к северу от «брюссельской линии»

стремление Великобритании сохранить под своим контролем территорию Мосульского вилайета, где уже в 1920-х гг. при активном участии британских компаний началась промышленная нефтедобыча.

Роль Великобритании в международной политике, а также ее удельный вес в Лиге Наций оказались решающим фактором, в значительной степени предопределившим окончательный вердикт международного арбитража по мосульской проблеме. Тем не менее, в процессе исследования вопроса Совет Лиги Наций должен был принять во внимание собранные и обобщенные специальной комиссией сведения географического, экономического, этнолингвистического и исторического характера, касавшиеся спорной территории, учесть настроения местных жителей. Несомненным является тот факт, что решение Совета Лиги Наций объективно соответствовало интересам курдской общины, составлявшей большинство населения Мосульского вилайета, которая получила в период британского мандатного управления определенные возможности для развития своей культурной автономии. Именно в это время заметно ускорился процесс этнической консолидации и роста национального самосознания курдов и других этноконфессиональных групп, проживающих на севере Ирака, созданы предпосылки для их включения в общественные процессы, происходившие на территории иракского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Toynbee A. The Islamic World since the Peace Settlement Survey of International Affairs. - 1925.- Vol.1. Oxford University Press, Royal Institute of International Affairs, - 1927.
2. Zeine Zeine. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. - Beirut, 1960.
3. Busch B. C. Britain, India and Arabs, 1914-1921.- Berkley University Press, 1971.
4. Nevakivi J. Britain, France and the Arab Middle East, 1914-1920. - L., 1969.
5. Documents on British Foreign Policy: 1918-1939.Ser.1, Vol.1.
6. Documents on British Foreign Policy. Ser. 1(1918-1939). Vol.1a.
7. Documents on British Foreign Policy: 1918-1939.Ser.1, Vol.13.
8. Оганесян Н. О. Национально-освободительное движение в Ираке. - Ереван, 1976.
9. Loder J. de V. The Truth about Mesopotamia, Palestine and Syria. - L., 1923.
10. Foster H. A. The Making of Modern Iraq: A Product of World Forces. - Norman, 1935.
11. Ментешашвили А. М. Ирак в годы английского мандата. - М., 1969.
12. Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Vol. 2. British-French Supremacy, 1914-1945. – Princeton: Yale University Press, 1979.
13. The Times. 1924, 17th November.
14. The Times.1926, 6 November.

15. League of Nations. Question of the Frontier between Turkey and Iraq. Publications de la Societe des Nations. Questions Politiques. Vol. 7. - Zeneva, 1926.
16. Luke H.C.J. Mosul and its Minorities. - L., 1925.
17. Longrigg S. H. Iraq, 1900-1950: A Political, Social and Economic History. - L., 1953.
18. Ireland P.W. Iraq: A Study in Political Development. - L., 1937
19. Setton L. Iraq. - L., 1925.
20. Main E. Iraq: From Mandate to Independence. - L., 1935
21. РГАСПИ. Ф. 544, оп. 3, д. 130.
22. АВП РФ. Ф.069 (Референтура по Англии), оп.14, д.53, папка 47, л.27.
23. Edmonds C. J.

DEMARCATIION OF IRAQI-TURKISH BORDER AND PROBLEM OF THE FUTURE OF COMMUNITIES AFTER WORLD WAR I

E. V. BARANOVA, A. V. SAGIMBAEV

State University of Bryansk
14 Bejtskaya, 241036 Bryansk, Russia

The article analyses the process of settling territorial problems and border disputes between the mandate-holding states and Kemalist Turkey, and also the influence of this process on the international situation in the region.